

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

Библиотечка газеты

Дмитрий Цвибель

ЛИДЕРЫ

ПЕТРОЗАВОДСК

Библиотечка газеты «Общинный вестник»

Дмитрий Цвибель

ЛИДЕРЫ

ПЕТРОЗАВОДСК 2007

УДК 94 (=411.16)
ББК 63.3 (2Рос.Кар) + 63.3 (2) 64
Ц 28

Петрозаводская еврейская община
выражает благодарность

ФЕЛИКСУ БУХМАНУ (Израиль)

(פליקס בוכמן)

за помощь в издании этой брошюры.

Цвибель, Дмитрий

Ц 28 Лидеры /Дмитрий Цвибель; Еврейская религиозная община. –
Петрозаводск: Принт, 2007, 56 с.- (Библиотечка газеты «Общинный
вестник»; вып.12)

64

УДК 94 (=411.16)
ББК 63.3 (2Рос.Кар)+ 63.3 (2)

ISBN 5–900726–19–3

*«Каждый, кто трудится на благо общины,
пусть делает это во имя небес».*

(Пиркей Авот 2:2)

Борис Клейн

– Борис Яковлевич, в канун пятнадцатилетия общества Шалом, первым председателем которого Вы были, хочется поподробнее узнать именно об этом, самом первом периоде, когда общество, собственно, становилось обществом, только-только вставало на ноги. Когда еще непривычно было произносить вслух само слово «еврей», когда стали открыто проводиться еврейские праздники. Как Вы пришли в еврейское движение?

Дело в том, что было объявлено в газете о собрании уже зарегистрированного общества Шалом в Доме актера, на котором будет избираться правление. Я и пришел на него. Вся подготовительную работу, включая регистрацию, проделала инициативная группа, возглавляемая преподавателем консерватории Леонидом Бутиром. Он собрал группу людей, которые провели учредительное собрание и подписали письмо в Исполком Петрозаводска с просьбой о регистрации общества. Об этом периоде я не знаю. Но интересно привести полностью сам документ с решением о регистрации:

**КАРЕЛЬСКАЯ АССР
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

РЕШЕНИЕ
от 02.04.91 г. № 945
г.Петрозаводск

О регистрации Петрозаводского
общества еврейской культуры
«Шалом» («Мир»)

Рассмотрев решение учредительного собрания от 22.02.91 г. о создании Петрозаводского общества еврейской культуры «Шалом» и его устав, исполнительный комитет Петрозаводского городского Совета народных депутатов

Р Е Ш И Л :

1. Зарегистрировать Петрозаводское общество еврейской культуры «Шалом».
2. Обязать встать на учет в налоговой инспекции г.Петрозаводска в 10-дневный срок.

Председатель исполкома
Управляющий делами исполкома

С.Л.Катанандов
Е.М.Трубин

И вот 4 июня 1991 года в Доме актера состоялись выборы первого правления общества. Присутствовали 53 человека, некоторых я знал, но с большинством познакомился лишь позже. Сначала решили избрать председателя. Думали, что председателем станет Леонид Бутир, так как это он все и организовал, и, как говорится, «ему и карты в руки», но он уже собрался репатрироваться в Израиль, и пришлось искать ему замену. Проблема заключалась в том, что многие не знали друг друга, предлагали кандидатуры почти наугад. Несколько человек отказались. Мою кандидатуру выдвинул Владимир Хазанович, его поддержал Юрий Гиммельман, который меня хорошо знал и рекомендовал собранию одобрить. Проголосовали единогласно. Затем было избрано правление: Александр Модылевский, Петр Лешберг, Михаил Зингер, Лия Хорош.

Я, как человек исполнительный, ответственный за порученное дело – недаром прошел хорошую жизненную школу на флоте – с удовольствием взялся за новое дело. 11 июня уже на заседании правления избрали Михаила Зингера заместителем председателя и секретарем, а казначеем – Елену Землянову. Установили вступительный взнос в сумме 12 рублей, годовой взнос – 6 рублей. 8 августа на встрече членов общества дополнительно ввели в правление Семена Кармазина, Анну Полевою, Галину Резник, Александра Фукса. Тогда же рассмотрели вопрос по сообщению Лики Френкель о возможности контакта с Ленинградской еврейской ассоциацией.

– Как часто вы собирались?

В то время правление собиралось каждую неделю, и на заседания приходили не только его члены, но и активисты, те, кто впоследствии и стали ядром общины: Анатолий и Соня Резник, Борис Ушеренко, Дмитрий Цвибель, Яков Бравый, Борис Ревич с внучкой Леной, Лео Балло, Игорь Хазанов, Александр Кижнерман и многие другие – память, к сожалению, не сохранила всех имен. Очень активен был Герш Пукач, хотя в правление не вошел (он работал директором-распорядителем Музыкального и Русского драматического театров). Горячо дебатировался вопрос о форме членства в обществе: нужны ли списки, членские билеты, даже значки. Большинство склонялось к тому, что люди побоятся списков, и решили обойтись без всего этого.

Мы стали готовиться к проведению первого городского еврейского праздника Рош ha-Шана. Режиссером концерта был Семен Карп. Он выстраивал программу, в которой участвовали, как наши гости – шведский ансамбль

«Живая вода», так и местные исполнители, которых оказалось больше, чем требовалось для концерта. Кроме того, принимал участие и клезмерский ансамбль, недавно организованный Борисом Портным, с солистом Пашей Ройтманом. Было много хлопот, так как наших гостей надо было разместить, накормить, свозить в Кизи (тут я воспользовался своей хорошей репутацией и связями и договорился с БОПом). Кроме того, необходимо было договориться с помещением, угощением и множеством проблем, с которыми мы сталкивались впервые. И еще были сомнения, получится ли все это, как отреагируют сами евреи – не побоятся ли придти на праздник после столь долгого «подполья». А тут еще 20 августа грянул путч!

– *Было страшно?*

Конечно, ведь никто не знал, куда все это выльется, возможны были любые варианты развития ситуации. На мое имя пришла телеграмма из Москвы от центральной в то время еврейской организации ВААД:

«В связи с создавшейся в стране политической ситуацией в ВААДЕ создана круглосуточная информационная служба для обмена информацией о положении евреев и о текущей обстановке на местах тчк мы надеемся получать от вас детальные сведения о том что происходит в ваших регионах и будем информировать вас о положении дел в центре и других регионах а также о позиции ВААДА по поводу происходящих событий тчк» Прилагался список телефонов, по которым можно было связаться с центром. Также поступило официальное заявление ВААДА, где, в частности, говорилось: «...ВААД призывает все еврейские организации и общины страны сохранять спокойствие зпт подчиняться в своей деятельности законно избранным властям и представлять на всех уровнях интересы еврейского национального меньшинства. Москва 20 августа 1991 года. Президиум ВААДА».

– *И после этого, все же, решили проводить праздник?*

Да, хотя многие сомневались, нужно ли это делать. Разделились мнения и в правлении. Уж перед самым проведением праздника мы обратились к министру внутренних дел КАССР Игорю Юнашу, попросив выделить охрану – было беспокойно после августовского мятежа.

И 9 сентября 1991 года (1 тишрея 5752 года от Сотворения мира по еврейскому календарю) праздник состоялся, и это был триумф! Юрий Гольденберг изготовил пригласительные билеты. По всему городу были расклеены афиши прекрасного качества, на мелованной бумаге, отпечатанные в Швеции в невероятном количестве – 5000 штук! Каждый, пришедший на праздник, получил афишу в подарок на память (у кого-то еще сохранился этот «трофей»), а на оставшихся мы еще несколько лет печатали на оборотной стороне свои афиши очередных праздников. Народу собралось больше, чем мог вместить зал, и некоторые сидели прямо на ступеньках. Об этом празднике много уже писали, и вспоминают до сих пор.

Дальше, как говорится, все «завертелось». Следующий праздник – Симхат Тора, который состоялся 1 октября (ответственные Цвибель Дмитрий, Герш Пукач, Галина Резник, Анна Полевая), 16 ноября – первое занятие детской самодеятельности в школе № 40 (ответственные Галина Резник и Дмитрий

Цвибель), 1 декабря – праздник Ханука (ответственные за проведение Герш Пукач и Лео Балло).

Между членами правления распределили обязанности: Зингер М. – контакты с городскими организациями; Модылевский А. – работа с ЦДК и спонсорами; Лешберг П. и Лешберг Е. – хозяйственные вопросы, финансы; Кармазин С. – редакционно-издательская работа; Фукс А. – молодежный сектор; Резник Г. – культурно-массовая работа; Клейн Б. – внешние связи; Полевая А. – секретарь.

Меня пригласили в Санкт-Петербург на учебу в ноябре 1991 на 4 дня. Там я узнал про газету АМИ, и она стала поступать к нам в общину. Стали получать и другую литературу. Впервые ходил в синагогу. Наладил контакт с региональным центром ВААД.

Командировали Галину Резник в Москву на семинар по вопросам репатриации.

– На какие средства осуществлялась деятельность общества?

В то время нас никто не финансировал, все, что мы имели – это частные пожертвования. На праздновании Рош ha-Шана Александр Фурман, который тогда организовал строительный кооператив, вручил мне 5000 рублей, сказав, что он меня хорошо знает, и уверен, что деньги пойдут на дело. Эти деньги и стали основой первого фонда, которым мы могли распоряжаться. Была создана группа «Милосердие», которую возглавил Семен Кармазин. Составили списки нуждающихся, пригласили их, устроили чаепитие и выдали деньги – это была первая благотворительная акция для членов создающейся общины. Фонд стал пополняться добровольными пожертвованиями от Александра Фурмана, Петра Лешберга, Игоря Хазанова, Виктора Потиевского, Хаима Ицкаря, и др. Иосиф Эль помогал продуктами. Когда был объявлен сбор средств на памятник, возводимый в г. Пушкине в память об уничтоженных евреях города фашистами, мы выделили 250 рублей (памятник «Формула скорби» Вадима Сидура). Активно налаживали контакты с другими национальными обществами города: карелов, финнов, вепсов и др. Когда на правлении возник разговор о трудностях организации русского общества, мы решили выделить для регистрации общества 250 рублей. Проходившему тогда Конгрессу карелов мы послали приветствие.

– Какие основные проблемы были у Вас на тот период?

Главной проблемой было отсутствие своего помещения. 25 августа 1991 года мы написали письмо Сергею Катанандову с просьбой предоставить обществу помещение, а 26 декабря 1991 года вышло постановление о выделении нам в аренду помещения по адресу Лисициной 30а, площадью 16 кв.м. Мы его сами обустроили: Михаил Коган изготовил мебель (бесплатно, естественно), которая до сих пор используется, Борис Ревич – отчеканил вывеску Шалома. Люди сами предлагали свои услуги по благоустройству нового еврейского дома – это и Фима Полевой, и Анатолий Резник, и Минна Куртиш, и Фаня Цукарева, и Белла Толкоцир, и Софья Новопольцева, и Семен Бекенштейн и многие другие. Кто-то принес шторы, кто-то занавески, появились полки для книг, письменный стол, посуда, стала формироваться библиотека. И 19 января 1992 года состоялось первое заседание правления в новом помещении.

С началом постоянной работы офиса (арендную плату за него взял на себя Петр Лешберг), стали приходить новые люди, появились общие интересы, общие дела – так незаметно стала формироваться община. Мы решили, что каждый имеет право выбора: оставаться в России или репатрироваться в Израиль, и относились к этому выбору одинаково уважительно. Олег Луховицкий проводил консультации по репатриации от СОХНУТа и давал уроки иврита, Галина Резник работала от Комитета по репатриации.

Были набраны группы на курсы иврита, рассчитанные на 30 занятий с оплатой в помещении Шалома – 200 рублей, в помещении Пединститута – 250. В офисе были установлены дежурства с 15.00 до 19.00 кроме среды и Субботы. Деятельность общества постоянно освещалась в прессе.

– Почему, все же, Вы решили оставить этот пост?

Круг проблем расширялся, работы становилось все больше, времени на все у меня уже не хватало – я еще работал в БОПе и уходить не собирался (работа председателя не оплачивалась). Я понял, что нужен человек, который бы мог заниматься делами общества на постоянной основе. И 23 февраля 1992 года состоялось общее перевыборное собрание, на котором было избрано новое правление и новый председатель – Александр Модылевский – он только что вышел на пенсию и согласился возглавить общество. В правление вошли: П.Лешберг, А.Фукс, А.Полевая, Г.Резник, А.Деревянский, Е.Землянова, Г.Ицковский, Д.Цвибель.

Я аккуратно передал все дела и продолжал активно участвовать в жизни общества, помогал через свои связи. До сих пор в курсе всех дел общины, часто беседую с членами правлений теперь уже нескольких еврейских организаций, и рад, что все живут дружно, не делят сферы интересов. Слежу за еврейской прессой, у меня подборка всех номеров «Общинного вестника»...

– Дорогой Борис Яковлевич, наша община благодарна Вам за вклад в создание общества Шалом. Поздравляем с пятидесятилетием общества, желаем здоровья, бодрости, И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Александр Модылевский

– Александр Львович, когда Вы впервые встретились с еврейским вопросом?

Родители мои из Житомира, я родился в Москве. Закончил Московский инженерно-экономический институт, автотранспортное отделение и меня направили в Карелию. Получив направление в Карелию и ознакомившись с климатическими условиями там, решил лечь в больницу и вырезать железы, так как часто болел ангиной. Из окна палаты был видно здание, на котором были высечены непонятные слова на непонятном языке, да еще восклицательный знак стоял «не на месте», с другого конца! Я решил, что надо выяснить, в чем дело. Когда вышел из больницы, пошел в этот дом на улице Архипова, оказавшийся Большой хоральной синагогой. Это было мое первое посещение синагоги, первая встреча с раввином, который меня тепло встретил, показал помещение, рассказал о синагоге. На этом тогда моя встреча с еврейством и закончилась.

Помню время «дела врачей», когда из трамваев в Москве выкидывали евреев – я сам был свидетелем этого. Мы жили на расстоянии часа езды на трамвае до института, и каждое утро, садясь в трамвай, старался сидеть так, чтобы не был виден мой профиль... Это было тяжелое время. Но мое комсомольское воспитание не позволяло осознать, что происходила направленная антисемитская политика. Хотя эти события оставили определенный осадок.

– Вы приехали в Карелию в 1954 году...

В Карелии меня встретили очень тепло, предложили работу. Я недолго пробыл в Петрозаводске на посту заместителя директора автотранспортного предприятия в Сулажгоре. Затем меня направили в Медвежьегорск (1955), где не было никакого руководства транспортным предприятием. А Медвежьегорск являлся узлом, из которого снабжали несколько районов: Медгора, Заонежье, Паданы, Пяльма, Пудож. Все перевозки осуществлялись нашим предприятием. Надо было все доставить от иголки до хлеба, плюс перевозка людей. И в

огромном количестве водки... Вся жизнь этих районов, а там были большие леспромхозы, дававшие огромные количества леса республике, зависели от четкости нашей работы. Поэтому наше предприятие было под постоянным контролем

Однажды ко мне на улице подошел человек с ярко выраженной еврейской внешностью и, картавя, спросил, не хочу ли я познакомиться с евреями Медгоры: – Может вам надо чем-то помочь? Это был Исаак Цысин, парторг железнодорожного узла (его дочь Татьяна Ройтбурд сейчас работает в Хэсэде). Меня привели в дом, где я познакомился с Бендерманом (его сын Лева – был чемпионом Карелии по шахматам), директором гортопа Самуилом Слуцким и самим Цысиным. Все они были уважаемыми людьми в Медвежьегорске. Мы стали дружить семьями, навещали друг друга. Там, в Медвежьегорске, я встретил на танцах в клубе свою будущую супругу, там мы поженились, и там родилась наша дочь Ольга. Постепенно появились и друзья, с которыми мы дружим и по сей день. Я с радостью вспоминаю это время.

Проработав в Межвежьегорске около трех лет, меня вернули в Петрозаводск, и я стал работать во вновь созданном автотранспортном предприятии заместителем директора, потом был назначен начальником транспортного управления КАССР, в котором работало около восьми тысяч человек, имелось около трех тысяч различных автомобилей, включая автобусы и такси. Управление, учитывая отсутствие развитой железнодорожной сети внутри республики, было главным связующим звеном с отдаленными лесными поселками. Это была интересная, напряженная работа. Удалось значительно укрепить материальную базу практически всех 28 предприятий. Дальше жизнь «побежала бегом». Мне исполнилось 60 лет.

– И тут ваша жизнь дала крутой поворот...

Да, однажды в 1990 году мой приятель Марк Жак, с которым мы прогуливались по площади Кирова, говорит: «Саша, давай зайдем в Дом актера, там идет какое-то еврейское собрание». Мы зашли. Действительно, человек 20-25, многие из которых оказались мне знакомыми по жизни и работе вели разговор о создании в Петрозаводске еврейского общества. Для меня это было полной неожиданностью. В своей жизни я никогда не думал и не планировал себя в каком-либо национальном движении. Моя жизнь прошла, как и у большинства: пионер, комсомолец, член партии. Интернационализм без примеси каких-нибудь национальных признаков, во мне, так же как и у моей матери, коммунистки с 1921 года, был базой, основой человеческих отношений. Вел собрание преподаватель консерватории Леонид Бутир. Нужны были 10 человек, которые подписали бы письмо на имя мэра Петрозаводска Сергея Катанандова с просьбой о создании общества. И такие нашлись. Было составлено письмо, и надо сказать, удивительно оперативно, на него был получен положительный ответ. Это было распоряжение мэра о создании в Петрозаводске общества еврейской культуры «Шалом», при городском совете. (Это уже потом прошла перерегистрация в Министерстве юстиции.) Состоялось еще одно собрание, на котором обсудили будущий устав и выбрали председателя общества. Первоначально все выступили за кандидатуру Леонида Бутира, как идейного вдохновителя и организатора общества, но он к тому времени уже решил репатриироваться, нужна была другая кандидатура. Выбор пал на Бориса Клейна. Его биография, жизненный опыт, долгожительство в

Карелии, личные качества на всех произвели впечатление, и единогласно он был избран председателем. Тут же было избрано правление, в которое вошел и я. Работать с Борисом Клейном было одно удовольствие. Он находил темы, у него были мысли, что сделать, как сделать. Это человек, к которому люди «прилипали», он располагал к себе.

Нам была выделена квартира на улице Лисициной, которая и стала первым помещением общества Шалом. Небольшая, но в ней вмещалось до 30 человек. Там проходили заседания правления, зарождалось волонтерское движение, распределялась материальная помощь, проводились беседы. На любое заседание правления приходили не только члены правления, но и все желающие, у которых было что сказать, посоветовать. Так образовался актив общества. И эти собрания, затягивавшиеся иногда до полуночи, стали той базой, на которой рождалась наша община.

За время существования общества в этой квартире нас несколько раз грабили. Мы приходим, а по всему двору разбросаны старинные книги из нашей библиотеки, которые дарились нам уезжающими в Израиль, валяются вещи, дверь выворочена... Все восстанавливали. Чуть позже мы договорились с Домом культуры железнодорожников, и нам выделили помещение, человек на 100, где мы и проводили крупные мероприятия – встречи, собрания, занятия. На одном из собраний (1992), было решено создать новое правление, и мне предложили его возглавить. Так я стал во главе общества. Дело для меня было новое, приходилось многому учиться. Ездил на семинары для еврейских руководителей, читал литературу.

– Наше общество было связано с какими-нибудь другими организациями?

В Питере Александр Френкель (его жена из Петрозаводска), возглавлявший Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга вывел меня на Михаила Членова и организацию ВААД России.

Меня пригласили на учредительный съезд ВААДа, который состоялся в Нижнем Новгороде. Это был съезд представителей всех еврейских организаций России. Там я познакомился с Леонидом Колтуном – организатором в Петербурге первого хэсэда в России. От северо-запада в правление ВААДа вошли Френкель и я. Так мы начали сотрудничать с ВААДом. Деньги мы получали только на оплату аренды помещения. Все остальное должны были находить у себя дома. И мы находили. Надо сказать слова благодарности Александру Фурману, очень серьезно нам помогавшему, Давиду Ицкарю, Арону Левину, Владиславу Мотину, Петру Лешбергу. К сожалению, в последствии эта традиция не нашла достойного продолжения по многим причинам. На этом этапе нас поддержали и финские благотворительные организации, существенно помогшие пережить то тяжелое в экономическом отношении время.

– Какие тогда задачи стояли перед обществом?

Сразу после создания общества встал вопрос о создании школы. Мы понимали, что необходимо дать людям возможность учиться, узнавать историю своего народа, традицию, культуру, язык. К большому счастью в общине оказались энтузиасты, готовые учиться сами и учить других. Особо необходимо

выделить Галину и Анатолия Резников. Галина, работавшая в 40 школе, договорилась с директором Аллой Кашкаровой о возможности там проводить занятия еврейской школы. Но нужно было решить проблему и на официальном уровне. Мы обратились в отдел народного образования к Сергею Свидскому. Дело пошло быстро. Была привлечена Светлана Пасюкова – старейший работник образования Карелии. С их участием мы выступали со своим предложением на нескольких депутатских заседаниях Городского совета и Республики Карелия. Просили права на создание еврейской воскресной школы. И решение мэрии города о создании еврейской воскресной школы было принято. Была введена должность заместителя директора по национальному воспитанию директора 40 школы, которым стала Галина Резник. Эта должность просуществовала недолго, но на том этапе это оказалось очень важным начинанием – школа получила помещение. Это была первая национальная школа в Карелии. На первых порах в школу приезжали преподаватели из Петербурга, а наши преподаватели ездили на учебу в Питер в ульпан на улицу Рылеева. Тогда школу посещали 70-80 учеников, взрослых и детей. Это было время большого энтузиазма, пробуждения еврейского самосознания.

Мне хочется напомнить, что в то время одной из первых задач мы ставили знакомство людей друг с другом. Когда собирались вместе, возникали разговоры о своих родственниках, своих корнях. Кто-то вспоминал, как бабушка готовила субботнюю халу, кто-то вспоминал мамину гефилте-фиш, кто-то когда-то был в синагоге на празднике, кто-то помнил праздник Песах, проводимый в семье... Так формировался круг людей, объединенных общими воспоминаниями, общей историей, общей судьбой, общими корнями – формировалась община.

Помню один праздник, который мы проводили в зале Дома творчества детей и юношества, когда зал на 500 мест был переполнен, сидели даже на ступенях, и пожарник подошел ко мне, требуя прекратить концерт из-за пожарной опасности. С трудом удалось договориться.

– Какие дела или события в жизни Шалом Вы выделили ли бы особо?

Важное событие произошло в 1994 году. Мы обратились к Сергею Катанандову, бывшему тогда мэром Петрозаводска, с просьбой о передаче обществу старого еврейского кладбища – единственного материального свидетельства проживания в Петрозаводске евреев с середины XIX века. И хотя по существующему законодательству о сроке давности со дня последнего захоронения кладбище могло быть уничтожено, Сергей Катанандов подписал постановление № 3254 от декабря 1994 года о передаче нам кладбища «для благоустройства и содержания».

Для организации социальных программ и информационной связи внутри общины нужна была большая группа волонтеров, и нам удалось их собрать. Люди предлагали свои услуги совершенно бескорыстно, с удовольствием. Возглавила этот беспокойный коллектив Софья Новопольцева. Она внесла неоценимый вклад в становление института волонтеров в нашей общине. Хорошо зная еврейское население города, сама подбирала людей, знала, кому что можно поручить, с кем нужно связаться. Работая, как говорится «не покладая рук», она своим примером заражала других, и люди втягивались в общинную работу, это стало престижным, фраза «все евреи ответственны друг за друга» воплощалась в дела, обретала плоть. Самые большие активисты –

Фаня Цукарева, Белла Толкоцир, Мина Куртиш, Сима Чернякова, Белла Трейстер, Нина Карамышева, Ирина Каплан, Грета Логинская, Раиса Шапиро и многие другие.

В правление Шалом входил Юрий Рыбак. Он организовал медицинскую волонтерскую службу: собрал вокруг себя группу врачей-специалистов, которые консультировали, помогали устроить людей в больницы, вели просветительскую работу.

Впоследствии они составили основу медицинской программы Хэсэда: Лев Юровицкий, Яков Рутгайзер, Савелий Хенкин, Гай и Юрий Иоффе, Адольф Островский, Надежда Татарко – целое созвездие врачей, которому может позавидовать любой город России.

Волонтерский состав, созданный в обществе Шалом, стал основой Хэсэда.

До создания Хэсэда мы сами ездили в Питер на склад, привозили до 500 посылок, раздавали нуждающимся; ездили за мацой к Песаху – все это своими силами, нанимая машину или прося помощи у кого-нибудь. Нужно вспомнить и поблагодарить Леонида Ратнера, неоднократно на своей машине ездившего в Питер. Привозили в большом количестве еврейскую литературу, которая пользовалась огромным спросом. Книги в библиотеке читались, газеты и журналы не успевали раскладывать на столы. Жаль, что эту тягу к познанию своих истоков мы где-то растеряли.

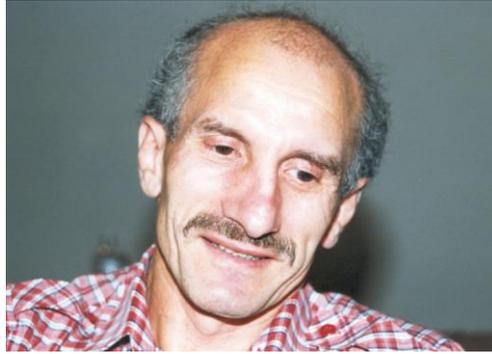
Создание Хэсэда было очень важным делом для нас. Я, члены правления и волонтеры выезжали на Шпалерную в петербургский Хэсэд на учебу, мы посылали людей перед праздниками на семинары, где проводилась подготовка ведущих этих праздников. Это была заманчивая идея – организация Хэсэда в Петрозаводске, и правление думало, как ее осуществить. Нужно было найти помещение, нужны были люди, способные это дело «потянуть». Состоялся разговор с министром культуры Карелии, которая разрешила нам временно обустроить часть помещения Краеведческого музея, ждущего капитального ремонта. И здесь я бы хотел сказать то, что мало кто знает: первым директором Хэсэда был Дмитрий Цвигель. Именно он следил за ремонтом помещения и приведением его в надлежащий вид; собирал учредителей, готовил и регистрировал Устав; решал все вопросы, связываясь с головным хэсэдом и руководством ДЖОЙНТа в Питере; а потом активно занимался поиском замены себе (Дмитрий, кстати, уже более 10 лет является моим заместителем).

Большое содействие нашей общине оказывают Республиканский комитет по национальной политике и Центр национальных культур. Доброго слова заслуживают за понимание и реальную помощь Татьяна Клеерова, Виктор Бирин, Лана Мигунова, Евгений Шорохов и все сотрудникам комитета и центра.

В своей работе мы постоянно чувствовали моральную поддержку всех 24 национальных диаспор Республики.

– Сейчас еврейская жизнь города – это и общество Шалом, и Национально-культурная автономия (которую возглавляете также Вы), и Хэсэд Агамим, и Религиозная община, и Воскресная школа ЙОМ РИШОН, и Филиал Израильского культурного центра...

Да, все живое должно развиваться, иначе оно погибает. Значит та работа, которую мы делали на заре возрождения еврейской жизни в Петрозаводске, не была пустой. И сейчас, по прошествии 15 лет, можно сказать, что ростки, посаженные тогда заботливыми руками, дали свои добрые всходы.

Михаил Бравый

– Миша, когда Вы узнали, что Вы – еврей?

– С детства я слышал идиш, на котором разговаривали мои родители, особенно тогда, когда хотели скрыть что-то от детей. Как и большинство еврейских подростков в Советском Союзе того времени, я прочитал Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Бабеля, Фейхтвангера и т.п., ходил с родителями на концерты Анны Гузик, Михаила Александровича, Нехамы Лифшицайте и других еврейских исполнителей. Так что кто я по национальности, знал с детства.

– Ваше непосредственное участие в еврейской жизни...

...началось, когда приехал преподаватель иврита из Чечни Андрей Александров. Тогда это вызвало некоторый ажиотаж – впервые появилась возможность учить язык, на котором написана Тора, и который был запрещен в Советском Союзе! (Энтузиастов, осмелившихся изучать иврит в Москве, Ленинграде, всего за несколько лет до этого сажали в тюрьмы и психушки.) Собирались в пединституте (это еще до образования общества Шалом). Уже после стали приезжать преподаватели из Питера, жили здесь, и занимались с нами три раза в неделю по четыре часа. Тогда же, в 1991 году я ездил в Ленинград на общесоюзный съезд общества Маккаби, где было выбрано руководство этой организации.

– Ваш отец, Яков Наумович, готовил Устав организовывавшегося тогда общества еврейской культуры Шалом.

– Да, инициатором создания общества был Леонид Бутир, музыковед из консерватории. Другой активист – Михаил Зингер, и у них были разногласия по поводу того, на что должно быть ориентировано общество: Бутир считал – на Израиль, Зингер – на создание традиционной общины диаспоры. Я участвовал в собрании, происходившем в Доме актера, когда было принято решение о создании общества, и был избран председателем Борис Клейн. (Леонид Бутир уже готовился к отъезду в Израиль, и свою кандидатуру отклонил.)

Еще до открытия воскресной школы, которую организовала Галина Резник в 1992 году, она собрала детей в музыкальный кружок в ДК железнодорожников, куда я привел свою дочь Милу. Эти дети и их родители чуть позже и составили основу воскресной школы. Там мы все и познакомились: Зайденберги, Рыбаки, Рабиновичи, Цвибели, Ратнеры...

– *Общество Шалом активно работало, и в Питере, курировавшем Северо-запад, было принято решение об открытии в Петрозаводске Хэсэда. Когда помещение для него было найдено и подготовлено к работе, встал вопрос о директоре. Нами было предложено человек 12 – 15 кандидатур на этот пост, но все были отклонены организаторами системы Хэсэдов. Открытие Хэсэда затягивалось.*

– 8 ноября 1997 года меня пригласили в Питер. Встречала Лариса Звягина – главный волонтер петербургского Хэсэда, первого в СНГ. Мы пешком прошли до Шпалерной 52, где тогда располагался Хэсэд Авраам, и по пути Лариса вводила меня в курс дела. Затем, уже в Хэсэде, все показала, дотошно объясняя каждую мелочь, и лишь после этого мы прошли на Моховую в «штаб», где нас ждали: Изя Сабаг – «отец Хэсэдов СНГ» (Изя после службы в Армии обороны Израиля был послан на Украину как волонтер. Там он ярко заявил о себе, у него оказались недюжинные способности, и он стал организатором движения Хэсэдов по всему бывшему СССР.), Арон Вайс – директор отделения ДЖОЙНТа в Санкт-Петербурге и Рита Гутина – координатор социальных программ. Побеседовали. «Что Вам понравилось в нашем Хэсэде?» «В Вашем Хэсэде мне понравился волонтер Лариса!» Этого оказалось достаточно.

– *Миша, расскажите, пожалуйста, кратко об идее движения Хэсэдов в России.*

– Идея Хэсэдов – во-первых, восстановление еврейского самосознания; во-вторых, оказание продовольственной помощи, так как в то время была очень тяжелая экономическая обстановка. При мировом стандарте уровня нищеты в то время – три доллара в день, в России получали пенсии около 1 доллара. Мы тогда реально помогали людям выживать (сейчас ситуация совершенно иная). Хэсэды создавались, как профессиональные организации, вокруг которой могли сформироваться общины. Поэтому и синагогу мы взяли под свою крышу. Но, конечно, важно было собрать жизнеспособный коллектив сотрудников и волонтеров, способных осуществлять программы и быть активом общины.

– *Как прошло открытие Хэсэда?*

– После разговора в Петербурге, необходимо было дооформить официальные юридические документы по регистрации, провести собрание, на котором был избран председатель правления Юрий Рыбак и директор, то есть я. Хэсэд получил свое название – Хэсэд Агамим: что-то вроде благотворительности на озерах, или озерное милосердие – точно перевести с иврита невозможно.

За несколько дней до открытия приехала Лариса Звягина помогать в обустройстве нашего «дома» – приобретении мебели, штор, светильников, посуды, пианино, и т.п., наведения окончательного «марафета». Дня за два появился Изя для подбора сотрудников (были подготовлены по три кандидатуры на каждое место).

И 27 января 1998 года Хэсэд Агамим был официально открыт! В торжественной обстановке прибили мезузу к косяку входной двери, состоялся

праздничный концерт с участием главного кантора Санкт-Петербургской синагоги Боруха Финкельштейна (аккомпанировал Дмитрий Цвибель) и наших исполнителей.

Затем началась работа... Главной заботой стал подбор волонтеров. Ядром коллектива стали те волонтеры, которые уже работали под эгидой общества Шалом (там возглавляла социальную работу Софья Абрамовна Новопольцева, которая, к сожалению, к моменту открытия Хээса была уже тяжело больна). Возглавила этот беспокойный коллектив, который расширился до 60-70 человек, Грэта Логинская, преподаватель архитектурно-строительного техникума (она же создала и эмблему нашего Хээса). Ида Вол занималась материальной помощью нуждающимся.

Но сердцем Хээса, тем, что называется идишкайтом, без чего нет никакой подлинно еврейской организации, стал клуб, который возглавила Ася Новицкая. Она сумела создать атмосферу еврейского теплого дома, куда заходили просто так, не получить что-то, а пообщаться, взять литературу, узнать об обычаях и традициях. Это было время бурного пробуждения еврейского самосознания, радости возвращения к своим истокам. В клубе работало много кружков, читались лекции, шла подготовка к Шаббатам и праздникам.

Другая важная задача – создание базы данных. Списки, существовавшие до этого, не отвечали новым требованиям. Были пересмотрены и составлены заново все списки, причем с каждым подопечным я встречался лично, и в разговоре выяснялось, в чем действительно есть необходимость помогать. Первая база была на 300 человек, к 2003 году было уже 1200, из них около 700 – пенсионеры и инвалиды. Мы расширили ареал своей деятельности на всю Карелию. В 19 населенных пунктах нашли нуждающиеся семьи, пожилых людей, неполные семьи.

Между волонтерами-кураторами были распределены подопечные. Каждый волонтер имел от 15 до 25 «своих» подопечных, с которыми познакомился лично, знал их нужды и держал с ними постоянную связь. Именно через волонтеров мы знали о состоянии своих подопечных и планировали работу, исходя из этих сведений. Это помогало составлять реально необходимые программы и план работы. Так осуществлялась живая прямая и обратная связь между Хээсом и подопечными.

– Миша, я помню, что тогда существовала система учебы для работников хээсов.

– Да, я прошел годичный курс директоров благотворительных центров при Институте общинных социальных работников им. В.Розенвальда и Бар-Иланского университете и написал диплом «Индивидуализация благотворительной помощи в Хээсе». Также прошел программу Банчер – две сессии в России, третья – в Израиле и две сессии опять в России.

Когда организовался Союз Хээсов России «Идуд Хасадим», меня избрали председателем ревизионной комиссии. Эта организация, кроме прочего, выдавала Хээсам сертификат, подтверждающий их соответствие, установленным стандартам.

– Какие программы Вы считаете своими, «фирменными»?

– Конечно, это медицинские программы. Эти программы не были предусмотрены в системе Хэсэдов. Но, поскольку председателем Хэсэда был молодой энергичный врач Юрий Рыбак, который с самого начала возрождения еврейского движения был его активным участником, он сумел еще до возникновения Хэсэда начать работу с группой врачей, консультировавших нуждающихся. А с возникновением Хэсэда это направление стало развиваться и привело к официальной организации медицинской службы и открытию медицинского кабинета. Большую помощь оказал в этом и Юрий Иоффе. После отъезда Юрия Рыбака за границу, правление Хэсэда и координацию медицинских программ возглавил профессор Марк Буркин. Тут необходимо особо отметить огромную заслугу нашей синагоги, через которую осуществляется связь с нашими друзьями из Тюбингена – общиной Дитрих-Бонхоффер, с помощью которой был оборудован медицинский кабинет, приобретены физиотерапевтические приборы. Образовался целый коллектив врачей-волонтеров, безвозмездно консультирующих как в кабинете Хэсэда, так и на своих рабочих местах. Удалось добиться и должности в штатном расписании координатора медицинских программ, которым стала врач-физиотерапевт Тамара Александровская. Наше начинание было одобрено, и теперь во многих Хэсэдах появилась медицинская программа.

Программа «Дневной центр». Она предназначена для подопечных, которые ограничены в возможностях передвижения и общения с другими людьми. Я ей загорелся, когда был в Израиле в составе делегации еврейских благотворительных организаций, и нам устроили встречу в Петах-Тикве с посетителями дневного центра. В этот центр из разных мест привозят подопечных, некоторых из них на инвалидных колясках, и они там проводят целые день. С ними занимаются, развлекают, дают задания, и они чувствуют себя комфортно.

Мы обратились в ДЖОЙНТ, чтобы и у нас организовать нечто подобное. Мы получили добро, если сможем сами найти необходимые средства. Опять пригодилась связь синагоги с немецкими друзьями. С их помощью для дневного центра мы приобрели холодильник, ковры, мебель, СВЧ-печь. Своими силами переоборудовали складское помещение, оснастили всем необходимым, и эта программа оказалась самой «живучей», востребованной и действительно необходимой.

Руководителем этой программы стала Валентина Бравая. Она смогла подобрать людей в группы, которым уютно вместе, где никто никого не раздражает. Пришло это не сразу, но постепенно были сформированы такие группы. С ними ведутся беседы, устраиваются встречи с известными людьми города, артистами, они посещают выставки – в общем, делают то, что сами не в состоянии были бы сделать. И жизнь для них стала более полноценной. Они готовятся к каждой такой встрече, ждут этого дня, даже болеть стали реже. Здесь идет и возвращение к своим еврейским истокам, так как большинство прожили свою жизнь вне еврейских традиций и ценностей. Для участников этой программы она просто необходима: ведь если актуальность продовольственной помощи сейчас не стоит так остро, как вначале деятельности Хэсэда, то проблема общения не стала меньше.

Программа «Мазл тов!» Создана для привлечения молодых родителей и детей к еврейской жизни. Частично это и удалось сделать. И еще – это резерв для воскресной школы. Через эту программу прошли более 120 детей. Уже под эту программу была разработана в нашей общине программа «НИЦАНИМ» –

обеспечение детей от 3 месяцев до 7 лет детским питанием и соками. Эта идея принадлежала председателю религиозной общины, а расчеты норм, необходимых ребенку витаминов в условиях севера, произвели супруги Мельниковы – участники программы «Мазл тов!» Средства на программу предоставляют наши спонсоры – супруги Ронни и Элвин Коренблюм и община Темпл Иудеа из Флориды (опять же, через синагогу).

– *Что еще можно назвать достижением Хэсэда?*

– Танцевальный ансамбль «АВИВ»! Наташа Кузьменко организовала три группы ансамбля: для бабушек, для среднего возраста, для молодежи. Потом все перемешались и теперь – это танцевальный ансамбль «АВИВ», успешно выступающий не только в Петрозаводске, но и на гастролях в других городах, достойно представляя нашу общину.

Ежегодно устраивали семинары для волонтеров на 60 - 70 человек. Для этого арендовался санаторий «Белые ключи» на 2 два дня. Читать лекции и проводить занятия приезжали ведущие специалисты из Питера и Москвы. Занятия совмещались с культурной программой, на которую приглашалась вся община.

Мы открыли филиал нашего Хэсэда в Костомукше, что дало толчок для развития еврейской жизни в этом городе.

Мы помогли организовать Архангельский Хэсэд Ахим. К нам приехал будущий директор для ознакомления с нашей работой. Потом я поехал в Архангельск, и мы вместе сформировали правление, выбрали председателя, нашли помещение, уточнили базу данных подопечных.

Наш Хэсэд был признан лучшим среди Хэсэдов Северо-запада России, да и на общероссийском уровне он был известен. На базе нашего Хэсэда был проведен семинар директоров и бухгалтеров Хэсэдов Северо-запада.

– *И все же Вы ушли...*

– Наши отношения с руководством ДЖОЙНТа строились на партнерской основе, были уважительными, без лишнего давления, не навязывалось ничего. Амос Авгар, Изя Сабаг, Рита Гутина, Леня Колтон – те, с которых начиналось движение хэсэдов – люди творческие, немного романтики.

Но, как сказал поэт: «Придут другие времена, взойдут другие имена...» Поменялось время, поменялось центральное руководство, поменялся стиль работы. Как мне кажется, стал исчезать человеческий фактор в работе – «из центра виднее, что делать, кому и что давать», перестало учитываться мнение на местах... Просто наступил момент, когда для меня лучше было уйти. Я сам предложил кандидатуру нового директора – Дмитрия Генделева, и он успешно работает. Хэсэд живет – и это самое главное. Сейчас я занимаюсь творческой инженерной работой, параллельно веду тренировки по рукопашному бою для сотрудников охранного предприятия (у меня более двадцати лет тренерского стажа по борьбе самбо). А моя жена Валентина продолжает успешно работать в Хэсэде, в своем любимом Дневном центре.

– *Ваша дочь в Израиле. Как это решилось?*

– Мила с 7 лет ходила в еврейскую воскресную школу, участвовала в танцевальном коллективе, ездила в «сохнатовские» лагеря. В 14 лет прошла тест на программу НААЛЕ и решила учиться в Израиле. Валя плакала каждый день, ведь для мамы дочь – солнышко в окошке.

Теперь Мила окончила школу, отслужила армию, поступила в технологический колледж в Иерусалиме на специальность, которую и хотела изучать – оптометрия. Этот колледж дает академическую степень бакалавра. Учиться трудно. Лекции на иврите, учебники на английском... Прошла курсы гиюра.

– Пожелаем ей удачи! Это очень серьезный шаг в жизни, и родители могут гордиться такой дочерью!

А Ваш вклад в дело возрождения еврейской жизни в Петрозаводске, становления и развития Хэсэда Агамим достаточен для того, чтобы быть вписанным в историю еврейской общины Петрозаводска и Карелии.

– Спасибо.

Валентина Бравая

- Валя, как Вы вошли в еврейскую жизнь?

Давно это было, тому тридцать лет и три года назад. А серьезно – «еврейская доминанта» стала определять судьбу нашей семьи после концерта на Рош-а-Шана 1992 года. Рита Эпштейн сидела тогда в фойе Финского театра и записывала желающих в открывающуюся еврейскую воскресную школу. Фамилия Бравых стала одной из первых в этом списке. По воскресеньям учили иврит с Анатолием Резником и Ольгой Гуревич, слушали потрясающие лекции по еврейской истории Михаила Гольденберга. Были разговоры о еврейской жизни прошлой и настоящей, о возможной репатриации, многие подружались семьями и собирались дома на Шабаты и праздники. Друзей новых находили и дети, и взрослые. Из выпускников первого года обучения остались единицы, почти все уехали в другие края. Но я думаю, совсем не случайно именно из тех первых учеников Дмитрий Цвибель, Юрий Рыбак и Михаил Бравый стали организаторами Хэсэда Агамим.

- Как Вы стали волонтером Хэсэда?

Подошла ко мне Фаня Цукарева и сказала: «Вы должны быть волонтером!» Что мне оставалось делать?

Хорошо помню первые дни существования Хэсэда. Приехала Лариса Звягина из

С.-Петербурга подготовить официальное открытие. Ходили с ней покупать скатерти, занавески на окна, посуду для шабатов, ведра, швабры. Первые списки подопечных составляла на домашнем компьютере. Само собой получилось, что стала волонтером. Это было время удивительного энтузиазма, какого-то необычного эмоционального подъема.

В Хэсэде первое время было всего два штатных сотрудника, поэтому волонтеры и столы накрывали, и полы мыли, и подопечных обзванивали. Тогда многие приходили в Хэсэд с желанием что-то сделать полезное. С приходом в клуб Аси Новицкой жизнь закипела: в шабатах по пятницам участвовало по 30-

40 человек. Возникли кружки по интересам: иврит, английский, группа здоровья, танцевальный. Везде ходила и до сих пор учу иврит и занимаюсь в группе здоровья. Прежде я никогда не занималась в художественной самодеятельности, но тут... На какой-то праздник Наталья Кузьменко вытащила нас на сцену танцевать. Наверное, это было смешно: дамы почтенного возраста в белых нарядах а-ля «белые лебеди». Но когда мы исполняли позднее «Киевский трамвай», «Бабушки-старушки», «Веселые музыканты», нас вызывали на «бис». Но это уже история ансамбля Авив.

- Как появилась программа Дневной центр?

Осенью 2000 г. куратор Джойнта Рита Гутина предложила организовать в нашем Хэсэде дневной центр для одиноких людей старше 70 лет. Успешный опыт работы таких центров имелся в Израиле и С.-Петербурге. Мою кандидатуру предложила сама Рита Гутина, и Джойнт поддержал. Мы переоборудовали бывшее складское помещение в уютную гостиную, приобрели мебель, посуду, холодильник, микроволновку. Необходимо сказать слова благодарности общине Дитрих-Бонхофер из Тюбингена, предоставившей на эти цели существенные средства. Затем подобрала две группы подопечных, благо познакомилась со многими людьми в ходе волонтерской деятельности. И вот настал день, когда директор Хэсэда Михаил Бравый прибил мезузу на косяк двери, и первые подопечные торжественно вошли в помещение Дневного центра.

Преклонный возраст резко сужает круг общения, что особенно угнетает социально активных в недавнем прошлом людей. Посещение Дневного центра становится, по сути, средством психотерапевтической помощи пожилым одиноким людям.

У меня на тот момент уехала в Израиль по программе НААЛЕ дочка. Она мечтала об этом с восьми лет, поэтому мы с мужем не могли ее не отпустить. По злой иронии, именно в день отлета начался очередной виток интифады. Я места себе не находила от тоски и тревоги за Милу. Работа в Дневном центре стала моим спасением. И мои бабулечки поняли, что мы на равных, мне так же нужна их поддержка, как им – моя. Я думаю, что на волне сочувствия и сопереживания возникла та дружественная атмосфера в группах, которая стала залогом успеха программы.

В профессиональном плане мне много дала учеба на курсах руководителей Дневных центров хэсэдов СНГ и участие в международной конференции в Минске. Так что я дипломированный специалист в этой области социальной работы (от скромности не умру, да?).

- Как подбираются люди?

Дневной центр – живой организм, за шесть лет его существования состав групп много раз изменялся. Как правило, новые подопечные приходят посмотреть, приглядеться – и остаются на годы. Наши условия не позволяют делать группы более чем из 10 человек, зато в маленькой группе быстрее создается атмосфера разумного оптимизма, которой люди заряжаются на неделю, до следующего посещения. В каждой группе определяются свои лидеры, юмористы, кто-то любит поэзию, кто-то музыку. Так формируется коллектив, в котором каждый находит свое место, свою роль, где один

дополняет другого и всем вместе хорошо. Как в мозаичном панно – каждый камушек на своем месте. Для меня, как руководителя, важно определить индивидуальность человека и помочь ему влиться в коллектив. Девизом нашего центра стали слова из песни Булата Окуджавы «Давайте восклицать, друг другом восхищаться...»

– Несколько слов, пожалуйста, о некоторых Ваших подопечных.

Несколько слов? Да я могу рассказывать часами, ведь каждый из них – личность, про каждого можно написать книгу.

Уже несколько лет Наталья Яковлевна Липнина проводит с подопечными центра «гимнастику на стульях», поэтому они с гордостью могут считать себя ученицами Заслуженного тренера России по художественной гимнастике! Татьяна Прушинская может сыграть на пианино любую мелодию по слуху, поэтому у нас так любят петь. Евгения Прушинская – наш художник-оформитель, пишет поздравления в стихах к дням рождения, у нас уже их целый альбом. Инесса Яковлевна Шахнович – героический человек, из-за тяжелой травмы в течение года не могла посещать центр и упорно тренировалась ходить по лестнице, чтобы вернуться к нам. Минна Файтелевна Куртиш обладает обширными знаниями в разных областях. Римма Федоровна Краснова – знаток музыки. Софья Абрамовна Вачаева много читает, держит группу в курсе всех книжных новинок. Эсфирь Вульфовна Шицель – кладезь анекдотов, душа общества и вообще «прикольная». Элеонора Николаевна Броверман – одесситка, и этим все сказано. Феня Рувимовна Староконь – кулинарка, всегда приносит разные вкусности. Нина Израилевна Кузнецова уже шесть лет в любую погоду приезжает к нам из пригорода. Если перечислять всех, кто бывает в Дневной центр, не хватит места в газете. Замечательные люди, общение с ними дает мне очень много.

- Вы вели еще программу Мазл Тов...

Да, это тоже было предложение Риты Гутиной устроить программу для детей в рамках Хэсэда. Предполагалось, что будет десятка два детей, но уже через год число их перевалило за сотню (с учетом детей в районах Карелии)! Программа включала в себя культурно-образовательные занятия, подготовку и проведение праздников, медицинские консультации для детей и будущих мам, подарки новорожденным, выдача колясок и пр. Важной составляющей помощи детям стала программа «Ницаним», разработанная в нашей общине, включающая в себя обеспечение детским питанием и соками. Финансирование этой программы взяли на себя супруги Ронни и Элвин Коренблюм и община Темпл Иудеа из Флориды. По тропинке, проложенной бабушками и дедушками, молодые родители повели своих детей в Хэсэд. Нужно было сделать так, чтобы родителям, приводящим детей, тоже было интересно в программе. Так родился пуримшпиль, сыгранный родителями на общинном празднике.

Чтобы каждый ребенок запомнил день, проведенный в Хэсэде, мы всегда делали какие-нибудь поделки, рисовали и, придя домой, он мог показать сделанное своими руками. Это напоминало ребенку, что его ждут здесь снова. Ведь программа зависит от того, придут дети или нет. Если приходят, да еще приводят своих знакомых – значит все в порядке. Родители активно помогали

своим детям, участвовали в подготовке праздников, получая от этого удовольствие.

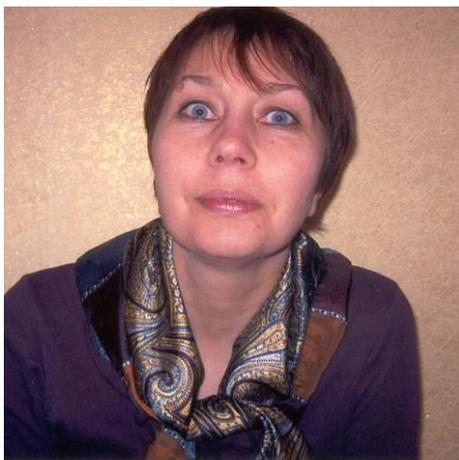
Многие родители, бабушки и дедушки сами стали участниками и волонтерами программы. Евгения Морозова вела музыкальные занятия с малышами, Шлема Вовчик учил детей играть в шахматы, Людмила Новопольцева занималась с ними лепкой, Наталья Одлис оказывала психологическую помощь будущим первоклассникам. А как веселилась детвора на праздниках с замечательным артистом Стасом Бершадским! На встречах в «еврейской кухне» бабушки готовили всякие вкусности, а внуки их с удовольствием поглощали. Дети занимались ивритом, английским языком, компьютером. Детский танцевальный ансамбль «Дрейдл» (руководитель Наталья Кузьменко) не раз принимал участие в концертах на общинных праздниках. Для совсем маленьких крох устраивали встречи на ковре с кучей игрушек. На праздники ставили сценки, в которых участвовали многие дети: пусть малыш изобразит дерево или волну, несущую корзинку с Моисеем – ребенок будет горд, и мама рада.

Программа позволяла вовлечь в орбиту еврейской жизни людей разных поколений. Считаю, что в общину люди должны приходить не за посылками, а за общением, знаниями о культуре, истории и языке своего народа. Без этого просто нет смысла в еврейской организации.

Потом сложилось так, что я ушла из этой программы, оставив для себя только Дневной центр. Хотя в обеих программах начинала «с нуля», обе были мне дороги, но работать одновременно с подопечными в возрастном диапазоне от младенчества до 99 лет было непросто.

- Валя, Вы в еврейском движении с момента возрождения еврейской жизни в Петрозаводске и в Хэсэд пришли уже с приличным «багажом». Не жалеете?

О чем жалеть? Мне нравится работать с людьми, и, кажется, у меня это получается. В общем, הכול בסדר !

Наталья Кузьменко

Первый естественный вопрос: Как Вы пришли к еврейскому танцу?

– Было это в 1993 году. Мой любимый концертмейстер Эмма Глейзель, с которой я работала, сказала, что в недавно организованную еврейскую воскресную школу ищут хореографа. Что такое «еврейские танцы» я, конечно, тогда не знала, но мне было интересно попробовать себя в новой для меня области. Директор школы Галина Резник пригласила меня к себе домой и предложила заниматься с детьми – это было в феврале. Тут же показала несколько еврейских танцев, записанных на видеокассету, которую прислали из посольства государства Израиль, курирующего тогда школу. *(Видеомэгаффон подарил школе Элвин Коренблюм, незадолго до этого посетивший Петрозаводск в качестве туриста. С тех пор Элвин поддерживает связь с нашей общиной и продолжает помогать нам.)* Я заинтересовалась, а когда супруг Галины Анатолий Резник рассказал об Элизере Бен-Иегуде и историю возрождения языка иврит, я была просто потрясена, и вопрос «быть или не быть» отпал сам собой – я пришла в школу. Музыка для танцев у нас тогда не было, и мы переписывали ее прямо с видеокассеты. На занятиях с детьми я фантазировала, вспоминая, что видела на кассетах, но нужна была какая-нибудь специальная подготовка, и меня от школы направили на семинар израильского танца, проводившимся под Москвой Израильским фондом культуры и просвещения в диаспоре. Перед моим отъездом на семинар Галина Резник сказала: «Если кто-то будет тебя спрашивать, какое ты имеешь отношение к еврейству, говори, что у тебя дедушка еврей» (а у меня мама – финка, папа – белорус). Мне стало как-то неуютно и даже немного страшновато. Но атмосфера на семинаре была такой дружелюбной, творческой, что все мои опасения оказались напрасными – и я окунулась в еврейскую историю, традицию, почувствовала себя там «своей». Этот семинар дал мне много, заложил основу моим знаниям о еврействе и непосредственно, о еврейской танцевальной традиции. Кроме того, нас снабдили кассетами с музыкой и видеозаписями еврейских танцев различных стилей.

К концу учебного года школу посетила финская делегация, и они предложили подготовить программу для поездки в Финляндию. Я начала работу

над программой, а для занятия с детьми вокалом был приглашен Юрий Клаз. Так появился первый детский еврейский ансамбль при воскресной школе. Я выстроила сюжет, основанный на субботнем ритуале с зажжением свечей, халами и прочей атрибутикой. В Финляндии, куда мы ездили три раза, нас принимали восторженно! Среди первых участников ансамбля были Христина Соловей, Алиса Рыбак, Андрей Цвигель, Илья Зайденберг, Мила Бравая, Заля Эстрин, Юлия Березина, Инна Фрадкова, Даша Солодовниченко, Лева и Вероника Клаз, Саша Александровский, Кирилл Осипов... Чуть позже часть детей не смогла ходить в воскресную школу, ходили только танцевать, а затем, с прекращением поездок, ансамбль постепенно «растворился». У меня тоже поменялись обстоятельства, и я отошла от занятий еврейскими танцами. Но...

Через некоторое время я узнала, что в помещении хоровой школы будет праздноваться Пурим. Я пошла на праздник. Был концерт Боруха Финкельштейна, кантора Большой хоральной синагоги Санкт-Петербурга. У меня в душе все всколыхнулось! А когда в антракте ко мне подошла Ася Новицкая, работавшая руководителем клуба в организованном недавно Хэсэде Агамим, и предложила поработать с пожилыми людьми, я поняла, чего мне не хватало все это время, и с радостью принялась за дело. Образовалась группа немолодых по паспорту, но молодых по духу людей, которые с удивительным энтузиазмом, словно изголодавшиеся по движению, приходили на занятия, и скоро мы начали выступать. Но первое «официальное» выступление уже как ансамбля «Авив» («Весна») состоялось на праздновании первой годовщины фонда Хэсэд Агамим. Там с громким успехом исполнили «Киевский трамвай», продержавшийся долгое время в нашем репертуаре. С тех пор в этом «трамвае» «покатались» многие исполнители. В дальнейшем появились и другие «шлягеры»: «Школа танцев», «Бабушки-старушки», «Еврейский портной» с колоритным Гришей Фактором и другие.

– *Наталья, а как в ансамбль влилась молодежь?*

– Режиссер Светлана Генкина готовила к очередному празднику Пуримшпиль, ей нужны были подтанцовки, и пришла молодежь. Сначала думали, что только для праздника, затем втянулись и не захотели бросать. Так образовались две группы, и постепенно ансамбль стал «молодеть». Приходили мамы с детьми, и естественным образом «отпочковался» и детский коллектив, получивший название «Дрейдл» («Волчок»).

– *Что, по -Вашему, дают еврейские танцы участникам ансамбля?*

– Для некоторых – это дверь в еврейский мир, тот начальный толчок, после которого они уже не мыслят себя вне еврейского движения. Например, Саша Александровский стал преподавателем иврита, Даня Харин – офицер ЦАХАЛа, Маша Ицковская – лидер молодежного клуба. А из первого «призыва»: Лева, Алиса, Вероника сейчас живут в Канаде; Илья – в США; Заля, Андрей, Мила – в Израиле.

– *Ансамбль ездил на гастроли?*

– Да. Сначала (в 2001 году) мы поехали на Первый всероссийский фестиваль еврейской культуры им. Ю.Плинера в Казань. Нас туда пригласил

Леонид Сонц – основатель и руководитель известного клезмерского ансамбля «Симха», дважды гастролировавшего в нашем городе, возглавлявший жюри этого престижного фестиваля. После нашего выступления он сказал, что у нас есть тот «идишкайт», без которого нет клезмерского искусства. Для меня это было высшей похвалой! Я считаю, что без души вообще нет никакого искусства, а есть только ремесло, хотя оно может быть и очень профессиональным. Ездили мы и на следующий фестиваль в Казань, но, увы, уже фестиваль памяти Леонида Сонца. Очень жаль, что музыкант большого таланта, полный сил и творческих замыслов, так рано ушел из жизни.

Мы познакомились с программой фестиваля, и оказалось, что один из танцев, которые мы привезли, на музыку «Зеленая кухня» есть и у ансамбля из Казани. У нас возник вопрос: танцевать или нет, но решили, что будем! И мне кажется, что наш танец оказался интереснее... Потом была поездка в Псков, где у нас завязались хорошие отношения с местной общиной. Были мы и участниками культурной программы на ярмарке израильской литературы в Санкт-Петербурге. И вот уже сейчас, 12 июня, в День Независимости России мы вместе с карельским фольклорным ансамблем «Карьяла» представляли Карелию на Красной площади.

– Наталья, Вы не только ставите все танцы для ансамбля во всех его «модификациях», но и сами танцуете в большинстве из них. Как Вам это удается?

– Я прошла очень хорошую школу в Петрозаводском Культурно-просветительном училище. Моими педагогами были: Людмила Гуменникова – по народному танцу; Светлана Рычкова – по классическому (она постоянно водила нас на балеты нашего театра, приобщая к высокому искусству); композицию вела Галина Ермакова. Я им бесконечно благодарна.

Действительно, все постановки – свои. Мне очень интересно искать материалы, связанные с очередной своей задумкой. Уже несколько лет у меня *idée fixe* – сочинить сюиту танцев с пением *a capella*. Но нужно, чтобы танцоры еще и пели...

– Кто финансирует ансамбль?

– Как говорил Михаил Сергеевич Горбачев: «Хороший вопрос!» И не отвечал. Но я отвечаю. В содержании ансамбля принимают участие общество Шалом, Центр национальных культур при министерстве культуры Республики Карелия. Существенную помощь оказывал Александр Каймин, сам участник ансамбля. Год назад Саша погиб...

– זיכרונו לברכה

Можно деликатный вопрос? Вы столько лет занимаетесь еврейскими танцами, еврейской культурой, почему?

– Мне нравится. Я получаю от этого удовольствие. Не только от работы, но и от общения с людьми, от этой атмосферы. А вообще-то, совсем недавно, обнаружилось, что мои прабабушка и прадедушка – Сара и Семен Гуль. Мамина мама – Катерина Гуль. С моим дедушкой не были расписаны, почему –

не знаю. Мама рано умерла. Архив под Питером погиб во время войны. Так что, не знаю... Все может быть...

– Как и положено, традиционный вопрос – проблемы?

– Основная проблема – помещение. Не просто место, где занимаются танцами, а где можно и посмотреть видео, и прочитать книгу по интересующей тебя теме, и поинтересоваться историей и еще многое другое. Нужен свой еврейский дом.

– Будем надеяться. На последнем концерте ансамбль с большим успехом исполнил украинский гопак...

– А почему бы и нет? Хотя тут небольшая история. Роману Яковлевичу Каплану в мае был юбилей. Его дочь Ольга, участник ансамбля, показала нам вырезку из старой газеты, где ее отца награждают как лучшего исполнителя гопака. Вот мы и решили преподнести ему подарок. Он сам участвовал в этом танце в свои 70 лет, да еще как!

А потом этот танец мы и станцевали на концерте, хотя Романа Яковлевича не хватало.

– В таком случае, позвольте подарить Вам диск с записями арабской музыки. Может, пригодится.

- Спасибо! Думаю, что да. Приходите на наши концерты и убедитесь в этом.

Ольга Харина

– Ольга, традиционно – как вы пришли в еврейскую жизнь?

В еврейское движение я попала не случайно. Мама меня позвала помочь раздать гуманитарную помощь – расфасовать посылки, разложить, пригласить людей, раздать. Время у меня было, и я с удовольствием согласилась. На заводе к этому времени я уже не работала месяцев восемь – это связано с тем временем, когда в стране началась ломка старого строя, и никто не знал, куда это заведет. Стали появляться более или менее состоятельные люди, которые помогали нашей общине, и в то время это было существенно для поддержания малоимущих и появившихся безработных. Формировалась помощь на ул. Лисицыной – в помещении общества Шалом. Тогда еще работала Софья Абрамовна Новопольцева – одна из первых, как бы сейчас сказали, координаторов социальных программ. Тогда это не называлось никак, просто те, кто занимались этим, занимались по доброй воле, ничего, естественно, не получая. Я Софью Абрамовну знала – мы вместе учились в школе с ее дочерью Людой. К тому времени я уже ходила на праздничные концерты, устраиваемые обществом Шалом. Мне так нравилось! Хотелось тоже принимать в них участие. Хорошо помню (кажется, 92 год) концерт ансамбля Бориса Портного. Тогда начиналось формироваться, то, что впоследствии и стало петрозаводской еврейской общиной. Так я стала приобщаться к общинной жизни, с ее заботами и радостями, которые становились и моими.

– Расскажите, пожалуйста, о вашем участии в ансамбле.

В танцевальный ансамбль Авив, который образовался при Хэсэде Агамим, я пришла в год открытия Хэсэда, в 1998 году. Ася Новицкая, бывшая тогда руководителем клуба Хэсэда, пригласила организовать ансамбль для подопечных Наталью Кузьменко, которая уже работала до этого в воскресной школе Йом Ришон с детьми. В ансамбль меня «направила» тоже мама. Она сказал: «Там бабушки танцуют, пойдика и ты с ними попробуй». Я попробовала, и с тех пор ансамбль – это моя жизнь. А наши «бабушки» – просто прелесть. Когда вспоминаешь, как они танцевали – это же здорово! А ведь

некоторым было уже за 70! И вот после их первых выступлений стали появляться молодые, и постепенно ансамбль «помолодел». А тогда из молодых были только Наталья, Лариса Рыбак, я и моя сестра Яна. В годовщину Хэсэда мы уже танцевали на сцене и произвели фурор. Особенно понравилась сценка «Киевский трамвай», на долгое время ставшая своеобразной визитной карточкой нашего ансамбля. Потом, уже после концерта, в ансамбль стала активно приходить молодежь, среди них и мои сыновья – сначала старший, потом и младший. Помню забавный Пурим в помещении старой филармонии. Ставила его режиссер телевидения Светлана Генкина (сейчас она в Израиле, организовала любительский театр в Димоне). Там уже участвовали семьями – Факторы семьей, мы семьей, Спартаки... Потом началось движение – одни уходили, другие приходили, и сейчас участников нашего ансамбля можно встретить в Израиле, Канаде, Швеции, США. Постепенно сформировалось постоянное ядро ансамбля, его костяк. Мы разного возраста, но все чувствуем себя наравне и комфортно друг с другом. Наш ансамбль – это своеобразная модель израильских отношений между людьми. Мы получаем удовольствие от общения друг с другом, но, кроме того, и много интересной информации. Ведь Наталья, прежде чем поставить какой-нибудь танец, изучает все детали, связанные с темой, передает свои знания нам. Ансамбль стали приглашать на концерты в другие города. Поездки для нас – это яркие впечатления. Мы знакомимся с новыми людьми, показываем свое искусство, представляем нашу общину. Многие завидуют, что мы смогли организовать такой жизнеспособный ансамбль. Это притом, что все участники ансамбля не профессионалы, никто из нас никогда танцу не учился. А побывали мы уже в Новгороде, Костомукше, Мурманске, Пскове, Казани, Петербурге, Финляндии. Надо отдать должное Александру Модылевскому – он всеми правдами и неправдами «одел» ансамбль, «выбивая» на это деньги из кого только можно. И выглядим мы неплохо, даже на фоне полупрофессиональных ансамблей. У нас все это живет, эмоциональнее, мы не боимся показаться смешными, станцевать «неправильно» (хотя и получаем зачастую нагоняй от Натальи), и от этого на сцене кипит жизнь. Хочу сказать, что Наталья Кузьменко (Гуль) просто находка для нашей общины – она излучает массу положительной энергии, заражающей окружающих.

– Вы уже достаточно долго профессионально работаете в еврейских организациях...

В декабре 2000 года я стала координатором общинных программ общества Шалом, (этим я обязана Александру Модылевскому, который долго присматривался ко мне своим опытным взглядом и решил, что я подхожу для такой работы), а с конца 2001 года – координатор Сохнута. К этому времени предыдущий координатор заканчивал, как говорят в Израиле, свою «каденцию», а я была, что называется «в материале», поскольку столько времени уже занималась еврейскими делами, учила язык, много общалась с людьми. Кроме того, поскольку мой старший сын к тому времени уже жил в Израиле, я знала все о существующих программах, и моя кандидатура была сразу одобрена. Прошла семинары в Питере, Москве, третий – в Израиле. У меня сложились прекрасные отношения с моими коллегами, и мне этот коллектив очень дорог. Я себя чувствую там, как в семье. Уже более трех лет работаю. В июне 2002 года провела интересный семинар Сохнута в Белых ключах на 100 человек по теме

«Еврейское самосознание», после которого пополнились ряды молодежного клуба. Вообще считаю, что подобные семинары для многих, оторванных от традиций своего народа, становятся дверью в еврейский мир, и то, что эти программы сворачиваются, является ошибкой.

– Ваши дети в Израиле. Как Вы относитесь к этому?

Мой старший сын Даня уехал по программе Сэла в 1999 году. Он сам так решил, я не настаивала. Когда он учился в 11 классе, вдруг надумал. Он уже танцевал в ансамбле, ходил в молодежный клуб, стал заниматься языком. До этого он не был ни на семинарах, ни в лагерях. Сначала я расстроилась, но потом рассудила: если я настою, чтобы он не уезжал, а потом у него что-нибудь в жизни не сложится, он упрекнет: «У меня был шанс, а ты не дала его использовать». И мне нечего будет ему ответить. Думаю, пусть попробует, в конце концов, это обратимо – он всегда может вернуться назад. Он, как говориться «с треском прошел»... Окончил школу, и в сентябре уехал. Попал в Беер-Шеву. Там у него до сих пор есть «приемная мама» – учитель иврита, которая его просто обожает. Он уже отслужил армию, и даже год еще работал в армии, как вольнонаемный, сейчас будет учиться в хайфском Технионе. Я не жалею, что отпустила его – он стал взрослым человеком. Конечно, было страшно – то время было еще беспокойнее, чем сейчас, и каждый раз, когда происходил теракт, судорожно связывалась с ним и узнавала, все ли в порядке. Но и здесь, когда он приезжает в гости и задерживается где-нибудь вечером, я не нахожу места для себя. Но главное, что он сам чувствует себя в Израиле уютно, он принял страну, и она приняла его.

Младший сын Яша тоже сам решил ехать. Первый год он не прошел тестирование. Был очень расстроен. Я – не очень – еще год побудет со мной. (Кстати, люди интересно устроены. Я посмотрела на этих мам! «Мы хотим просто попробовать», а когда ребенок не проходит, их это задевает, и начинают усиленно стараться попасть. Но я лишний раз отдаю должное израильским психологам, удивительно профессионально грамотным. Конечно, бывают и сбои, но ведь не всегда можно разглядеть, что таится в этих маленьких душах, тем более, с одного раза.) На следующий год Яша прошел. Попал в сельскохозяйственную школу. Когда мне стали описывать эту школу, я спросила: «Это киббуц? мошав?» «Нет, ни то, ни другое». Когда он приехал на место, звонит мне: «Мама, ты сказала, что это не киббуц, а тут коровы!» Но ему очень нравится. Он обожает коров, телят, так рассказывает про них, что мне даже непонятно, откуда это у него. Там приходится работать, помогать ухаживать за животными. У каждого есть свои любимцы. Эта школа призвана воспитывать трудолюбие, милосердие, ответственность перед теми, как у Сент-Экзюпери, «кого приручили». Она находится недалеко от Зихрон Яков, на горе Кармель, рядом с парком Ротшильда, вблизи Хайфы. Яша пока доволен.

– И теперь...

Теперь решила сама ехать к детям, и место координатора в Петрозаводске упраздняется, поскольку идет общее сокращение деятельности Сохнута в России. Хотя алия из Петрозаводска традиционно высокая. После Калининграда и Мурманска мы на третьем месте. А в последние два года по

молодежным программам – мы первые. В прошлом году от нас уехало десять детей, в этом – уже восемь прошли и собираются ехать.

– Что бы Вы пожелали перед отъездом?

Мне будет не хватать моего ансамбля – это большой кусок моей жизни, людей, которые были рядом со мной. Но у каждого свой путь, и меня зовет моя судьба. Я желаю тем, кто остается, возвращения в еврейство – это огромный мир, целая цивилизация, и обидно, что для некоторых этот мир «за семью печатями». Только не говорите, что «нет времени»! Ерунда! Если есть желание – будет и возможность.

До встречи на Святой земле!

Из серии
«БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма

Дмитрий Цвибель. Время любить

Из еврейской поэзии. Сост. **Иосиф Гин**

Нохим-Залманович. Еврейские пословицы

Давид Генделев. Из истории еврейской
общины Петрозаводска

Имена и судьбы. Сост. **Юлия Генделева**

Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы

Евреи Карелии. Сост. М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый

Залман Кауфман. Зяма

Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной

Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос